

**ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР
ФИЛОСОФСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ**

В 2004 году Санкт-Петербургскому государственному университету исполняется 280 лет. И ровно столько же – 280 лет! – со дня своего основания отмечает кафедра логики, метафизики и нравственной философии ведущего российского университета.

Проект философского факультета в рамках академического университета в Санкт-Петербурге, задуманный Петром Великим, в XVIII веке так и не был осуществлен (как, впрочем, и еще двух – юридического и медицинского), да и одна из «древнейших» университетских кафедр – упомянутая кафедра логики, метафизики и нравственной философии – годами работала нестабильно.

Однако она выжила, и именно она исторически оказалась первым в России светским центром философской культуры и философского образования. Нестабильность на кафедре чаще всего определялась отсутствием профессионалов, вакантные должности зачастую замещали люди, довольно далекие от логики и философии. Науки в России сразу же были ориентированы на практическую пользу. Практическая направленность академических научных исследований выразилась в сформировавшемся еще в XVIII веке естественнонаучном ее уклоне; с годами он только креп и стал ее отличительной особенностью. А вот судьба первого в России центра философской культуры и образования с годами все более связывалась с университетом, и судьба эта оказалась довольно драматичной.

Еще не успели приехать в Санкт-Петербург первые приглашенные заграничные профессора, как умер основатель этого уникального для России научного собрания. Дела Академии и университета пошли инерционно. Почти до конца 1725 г. съезжались заключившие контракт профессора, некоторые даже со своими студентами. Только с января 1726 г. начались более или менее регулярные собственно университетские занятия – публичные лекции. Одним из первых к чтению лекций по логике и метафизике приступил профессор Христиан Мартини (род. 1699, скончался после 1739), а по нравственной философии – Х. Гросс (? – 1742).

Первоначально на замещение кафедры логики, метафизики и нравственной философии подписал пятилетний контракт рекомендованный Христианом Вольфом его ученик и друг – эксграординарный профессор философии Тюбингенского университета Георг Бернгард Бильфингер (1693–1750). Он приступал к делу с определенной задачей: преподавать россиянам вольфианскую философию, чтобы она распространялась в этом столь обширном государстве. Фактически же, сразу по приезде в

Санкт-Петербург летом 1725 г., он поменялся кафедрой с Х. Мартини из Любека, тоже последователем Х. Вольфа, и тоже приглашенным по его рекомендации, но подписавшим контракт на замещение кафедры физики. Академическое начальство такому обмену не препятствовало. Таким образом, на бумаге (по контракту) первым, говоря современным языком, заведующим кафедрой логики, метафизики и нравственной философии был Г.Б. Бильфингер, фактически же – Х. Мартини, а что касается кафедры физики, наоборот: по контракту – Х. Мартини, фактически же – Г. Бильфингер.

Г. Бильфингер оставил по себе добрую память среди студентов первых наборов университета, в частности, его отметил в своих воспоминаниях об университете Антиох Кантемир. Сам Г. Бильфингер по окончании контракта вернулся в Тюбингенский университет, но оставался почетным членом Академии Санкт-Петербурга. Х. Мартини почему-то, что называется, не пришелся ко двору и был уволен до срока окончания контракта.

Как бы там ни было, но Санкт-Петербург, таким образом, положил начало гражданскому, или светскому, философскому образованию россиян, а его академический университет стал первым российским светским учебным центром, который занимался как разработкой научных задач, так и просвещением. В его задачу входило формирование ответственных специалистов в разных науках, приобщении их к наукам и к освоению столь необычной в условиях России того времени деятельности. Открытие в 1755 г. второго университета России не могло изменить исходный пункт, точку отсчета истории философии и как науки, и как учебной дисциплины в России. Начало философскому образованию в России положила все-таки в 1724 г. кафедра логики, метафизики и нравственной философии Санкт-Петербургского университета. Философский же факультет современного Санкт-Петербургского университета является неоспоримым правопреемником и наследником академического университета, поэтому сохраняет за собой все права приоритета.

Путь от первого университета в России, как и путь от кафедры логики, метафизики и нравственной философии академического университета XVIII века к современному Санкт-Петербургскому университету, современному философскому факультету был довольно сложен и даже тернист. Естественно, что вначале кафедра представляла философские науки в Санкт-Петербурге, прежде всего, как учебные дисциплины. Со временем философия осознала себя и как наука с ее своеобразной проблематикой, с необычными для здравого смысла и практической направленности в деятельности россиян вопросами, задачами, целями. К кафедре потянулись молодые люди; она стала привлекательной для начинающих философствовать россиян, выступая тогда единственным консолидирующим центром философского образования. Не всегда

охотно, но сюда шли учиться. Одним из первых был в числе таковых Антиох Кантемир, отметивший в своих воспоминаниях не только «славного Борнулия» и Бильфингера, но и преподавателя нравственной философии Х. Гросса.

Неудача с первым преподавателем логики и метафизики Санкт-Петербургского академического университета Х. Мартини, повлекшая за собой частую смену преподавателей логики и метафизики, наложила неприятный отпечаток на всю историю не только этой кафедры, но и всей философии XVIII века, да и первой половины XIX века. Тем не менее, первая книга по философии, написанная природным россиянином и на русском языке, – книга адъюнкта Петербургского университета и ассессора Академии Григория Николаевича Теплова (1717–1779) «Знания касающиеся вообще до философии для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут» была издана в Санкт-Петербурге в 1751 г., задолго до открытия Московского университета. Обращаясь в Канцелярию академии, Г. Теплов просил отослать для свидетельства представленную им книгу кому-либо из господ профессоров российских, знающих философию. И канцелярия направила книгу на рецензию М. Ломоносову, действительно российскому профессору и действительно знающему философию. Об этом недвусмысленно говорит Хр. Вольф в характеристике на своего ученика: «Молодой человек преимущественного остроумия Михайло Ломоносов с того времени как для учения в Марбург приехал, часто математические и философические, а особливо физические, лекции слушал и безмерно любил основательное учение».¹ (Выделено мною. – В.К.) Знающий философию профессор из россиян М. Ломоносов в своем рапорте канцелярии Академии по прочтении рукописи книги Г. Теплова писал, что «философские учения в ней предлагаются понятным образом для всякого и весьма полезна будет российским читателям, которые, не зная других языков, хотят иметь понятие или знание о философии вообще, на всех ея частях, и для того за благо рассуждаю, чтобы она была напечатана».²

Главное же достоинство этой книги не столько в том, как в ней представлена философия, а в том, на кого она была ориентирована. Сам автор книги своими читателями видит тех россиян, «которые общее познание хотят иметь о науке философской». В этом плане работа Г. Теплова особенно важна: она была первой печатной работой природного россиянина по философии на родном языке, и она сознательно ориентирована на российского читателя. Этим фактом признается, что формирующийся слой российских «любопытных читателей, которые

¹ Ломоносов М. Избранная проза. М., 1980. С. 156.

² Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 10. СПб., 1900. С. 623.

чужестранных языков не понимают», а значит и лекций по философии в университете слушать не могут (преподавание велось не по-русски), нуждается в доступной им литературе, способной удовлетворить их интерес. А интерес, выходит, уже был явно выраженным. Он-то и побудил Г. Теплова написать такую книгу. Значит, он осознал, что россияне уже доросли до такого знания, что они могут и жаждут философствовать. Посему работа Г. Теплова – своеобразный критерий того, что философия привилась на российской почве, что она укоренилась и получила распространение. Книга в целом и ее автор – показатель приступившей к философствованию России.

Философская жизнь начала XVIII века не ознаменовывалась в университете «громადьем» тем и проблем. Четких границ между философией и, например, теоретической (генеральной) физикой и химией не существовало, поэтому обсуждение проблем как той, так и другой науки неизбежно приобретали и философскую окраску. Научная жизнь внешне текла довольно вяло, но она была. Х. Мартини, приступив к чтению публичных лекций по логике, метафизике и истории философии, как последователь Г. Лейбница, естественно, рассматривал и его неделимые частицы, т.е. монады, о чем и оповещалось в перечне тем, предложенных им для рассмотрения на академических собраниях. Увлеченный проблемой вечного двигателя, он в 1727 г. предлагал академическому собранию «махину», в которой «через немалое время движение округлое, горизонтальное, без всякого наружного двигателя сохраняется».³ Возможно именно это и испортило карьеру Х. Мартини в России.

На одном из академических собраний в 1732 г. выступил профессор химии И.Г. Гмелин с докладом «О происхождении и развитии химии и особенно о том, какую пользу она приносит в изучении металлов и что можно заключить из химического исследования тел для раскрытия их начал». С ответом на этот доклад 2.02.1732 г. выступил Леонард Эйлер. Его речь, сохранившаяся лишь в двух черновиках на французском языке, озаглавлена современными переводчиками как «Речь Л. Эйлера о строении материи».⁴ Поскольку перевод рукописи сделан сравнительно недавно, то понятно, что речь эта была мало кому известна. Речь примечательна осознанностью философского характера результатов химических исследований, в особенности же, – проблемы химических начал как первоэлементов вещественного мира. Она была и первым на российской почве критическим выступлением против монадологии Х. Вольфа.

«Каковы последние частицы всех тел, или, как их обычно называют, элементы, – начал свою речь Л. Эйлер, – этот вопрос был спорным среди философов всех времен, и по сей день он не решен настолько, чтобы

³ Там же. С.

⁴ См.: Вопросы истории естествознания и техники. М., 1968. Вып. 24. С. 42-44.

из него вытекала какая-нибудь польза для познания природы вещей. Если мы пожелаем назвать элементами лишь те мельчайшие частицы, которые сами по себе неделимы и дальше уже не состоят из частей, то очень трудно сказать, можем ли мы вообще постичь разумом столь мизерные частицы. Какую бы мы не представили себе мелкую пылиночку, то вероятно, или – а для нашей цели этого достаточно – не противоречит божьему могуществу, что существуют и такие крошечные создания, которым эта пылиночка кажется такой же огромной, как нам весь шар земной... Такое допущение покажется, может быть, пустым и несерьезным, но мы не будем здесь рассуждать о том, так ли это на самом деле или иначе – достаточно уже того, что такая возможность допустима... Находятся и такие, которые идут дальше в подобных сравнениях и утверждают, будто мельчайший, на наш взгляд, атом не только питает свои создания, но даже является вселенной, с чуть ли не бесконечным числом неподвижных звезд, каждая из которых имеет свои планеты, населенные, как наша Земля, разными созданиями. Я уже не буду говорить о том, что в той вселенной опять будут воображаемые атомы, которые в свою очередь снова являют собой столь колоссально сложную систему тел. Но если мы перейдем от мельчайшего к огромному, то точно так же не будет абсурдом, что на тот мир, в котором мы вращаемся, смотрят как на атом жители какого-то значительно более огромного мира. Из всего этого ясно, что мельчайшая пылиночка так же мало может быть причислена к элементам, как и вся Земля».⁵ В итоге таких рассуждений Л. Эйлер приходит к выводу, что «для нас совершенно бесполезны размышления тех, которые пытаются от исследования элементов перейти к познанию природы вещей». В 1732 г. это было довольно смелое и явно направленное против монадологии и вольфианства утверждение. Более удачным и приспособленным к познанию природы, считает Эйлер, является «правило химиков, которые не заботятся о частицах тел, которые сами по себе неделимы, а словом «элемент» обозначают более грубые частицы, но такие, которые никакими приемами невозможно дальше разложить». Вот они-то по праву причисляются к элементам, и «если мы будем знать, каким образом из них составлены все тела, можно будет считать, что природа их нам достаточно известна, – если только число таких элементов не столь огромно, что природу и свойства их узнать вообще невозможно».⁶

Для познания этих элементов, подчеркивает Эйлер, «нужно провести как можно больше опытов и в них разложить тела, насколько это возможно, и довести их до их начал». При этом следует «остерегаться

⁵ Там же. С. 42.

⁶ Там же. С. 43.

того, чтобы не принять за элементы или неизменяемые начала такие тела, которые таковыми не являются».⁷

В этом выступлении Эйлера (обычно такие речи произносились от имени Санкт-Петербургской Академии наук) явно выражена идущая от Ф. Бэкона и И. Ньютона методология естественнонаучного вопрошания природы: не измышляя гипотез о философских элементах (неделимых самих по себе), исследовать химическими операциями (химическими методами и средствами) натуральные неразложимые химические начала. При этом, по Эйлеру, даже если этих элементов много и среди них, как и среди листьев дерева, не найти и двух подобных, все равно надо стремиться свести эти элементы в определенные классы, обнаруживающие наибольшее сходство между собой. Эта важная и перспективная проблема не могла быть решена только умозрением, необходимы были опыты. Предложенное Эйлером типично индуктивное направление исследований, если заглянуть в перспективу развития химии в Санкт-Петербургском университете, привело в конечном счете к открытию классификации химических начал, к открытию периодической системы химических элементов Д. Менделеева.

В 1766 г. Л. Эйлер возвратился (после 25 летнего отсутствия) в Санкт-Петербург из Берлина. И тут же стал готовить к изданию свои «Письма о разных физических и философических материях, писанные к некоторой немецкой принцессе», которые и вышли в свет в Санкт-Петербурге в 1768–1774 гг. в трех частях. Хотя письма были написаны им в Берлине еще в 1760–1762 гг., Эйлер все же посчитал уместным напечатать их именно в России. И они явно имели популярность, выдержав в Санкт-Петербурге еще 3 издания (1785; 1790–91; 1794). Правда, после XVIII в. о «Письмах» в России почему-то забыли: они не переиздавались и о них даже не упоминали отечественные авторы. И лишь в конце 2002 г. вышло очередное их издание в современном, более точном и удачном переводе. «Письма» содержательно весьма интересны, особенно для начинающих знакомство с науками. В них, правда, ни философия, ни логика не представлены в регулярной форме и достаточно полно, тем не менее, только по ним и можно судить о распространяемой и преподаваемой в начале XVIII века в Санкт-Петербургском университете философии и логике. Тем более, что Л. Эйлер в 1737 г. и сам читал логику в этом университете.

В том же, 1768 г., еще один представитель Санкт-Петербургского университета, выпускник 1755 г., некоторое время преподававший в академической гимназии, тоже издал свои «Философические предложения, сочиненные надворным советником и правительствующего Сената секретарем Яковом Козельским». В этой работе и философия, и логика

⁷ Там же.

представлены более регулярно, но и более поверхностно по сравнению с Эйлером. Философия Я. Козельского несколько простовата. Он, как и Г. Теплов, сразу же замечает, что философы излишне рассуждают о свойствах и делах божиих, ибо это не «их разума дело»; пользу философии Козельский видит в том, что она «приводит человека от познания мудро устроенных тварей к познанию Творца, учит его признавать бытие, Величество, премудрость и всемогущество божие, показывает ему должность его во всяком случае, наставляет его к прямой добродетели, на которую всемогущий Творец призывает больше, нежели на все приношения и жертвы».⁸

Теоретическая и практическая философия, по Козельскому, в свою очередь, подразделяются на логику и метафизику, юриспруденцию и политику. Поскольку наука – «основательное познание какой истины», или «способность человеческого разума не оспоримо доказывать все то, что он утверждает или отрицает», то философия у него – «наука испытания причин истинам».⁹

«Философические предложения» были не единственным произведением Козельского в этой области. Им были изданы и статьи по философии, переведенные из французской Энциклопедии; в 1788 г. он издает еще одно философское сочинение – «Китайский философ, или ученые разговоры двух индийцев Калана и Ибрагима». Таким образом, к середине XVIII века в Санкт-Петербурге не только укореняется, но и произрастает, принося скромные плоды свои, философия и как наука, и как учебная дисциплина.

Получив в 1745 г. звание профессора химии, М.В. Ломоносов добился у императрицы права читать публичные лекции по химии на русском языке. Лекции имели успех. Присутствующий на первых лекциях президент Академии граф К.Г. Разумовский был ими увлечен настолько, что, можно сказать, используя свое служебное положение, распорядился до своего возвращения из какой-то поездки лекции без него не продолжать. Естественнонаучные знания, представляемые такими учеными, как М.В. Ломоносов, Л. Эйлер и др., не могли не увлечь россиян, знания эти проникали в их среду, а вместе с ними и через них проникали в среду россиян и тесно связанные с естественными знаниями знания философские. Понимая значение философии в образовании россиян, Ломоносов, став ректором университета, стремился преобразовать его так, чтобы философский факультет в нем был основным ядром. В своем проекте Московского университета он так же отстаивал необходимость философского факультета. После смерти М.В. Ломоносова ректором академического университета стал штатный профессор философии и физи-

⁸ Козельский Я. Философические предложения... СПб., 1768. С. 31.

⁹ Там же. С. 1.

ки Иосиф Браун (1712–1768), к сожалению, так и не воплотивший в жизнь замыслы Ломоносова.

Начало XIX века было в научном отношении довольно скромным, оно не принесло радикальных новшеств в философию и логику, хотя зачатки таковых и были. Помешало этому вмешательство в дела науки и университета чиновничьего произвола. В 1821 г. разразилось скандальное «Дело о Санкт-Петербургском университете», инициированное попечителем Санкт-Петербургского учебного округа Д.П. Руничем. Под его предводительством было осуществлено прямо-таки нападение на университетскую философию. Несколько профессоров университета уволили, а А.И. Галича – экстраординарного профессора философии – лишили права преподавать философию. Несмотря на это, философско-логическая продукция все же появлялась в печати. Можно отметить «Начертание логики» (СПб., 1807) Александра Лубкина, где были подвергнуты критике философские взгляды И. Канта. «Логические наставления» (СПб., 1815) П.Д. Лодия, где кантовские идеи тоже были предметом тщательного рассмотрения, и где впервые был дан краткий исторический обзор логики и философских систем, дана библиография по ним. И конечно, достойны внимания Александр Иванович Галич (1783–1848) и его новаторские труды, уж определенно свидетельствующие о глубоком проникновении философии в российскую, Санкт-Петербургскую почву. Одна из главных работ А. Галича – «История философских систем, по иностранным руководствам составленная и изданная Главного педагогического института экстраординарным профессором Александром Галичем» в двух частях (СПб., 1818-1819). Хотя автор и опирается в основном на немецкие источники (Сохер, Аст, В.Г. Теннеман, И.Ф. Буле, Эрнестий, Эбергардт, Гурлиш, Вейлер и др.), все же его труд не был простым переводом, а представлял собой критический разбор источников глубоко сведущим в философии человеком. Его работу никак нельзя рассматривать только как переложение на русский язык западноевропейских книг. Сам А. Галич во введении подчеркивает, что часть текста, особенно в первой книге, посвященной древней и средневековой философии, принадлежит ему самому. Вторая же книга, посвященная новой и новейшей философии, составлена по материалам Сохера, В.Г. Теннемана, И.Ф. Буле, Венделя и др.

Работа была знаменательным явлением: в образованных кругах России произвела сенсацию и получила даже Высочайшую благодарность. Она впервые знакомила российского читателя с новейшей философией, в частности, с одной из систем Ф. Шеллинга. Все до этого изданные на русском языке книги по истории философии (работы Гейнекция, Бруккера, Кондильяка и др.) были скудны по содержанию и весьма неудовлетворительны, к тому же новейшая философия в них не была представлена. А.И. Галич же был первым, кто познакомил россиян с

современной им философской теорией. Другая его работа – «Опыт науки изящного» (СПб., 1825), затрагивая вопросы философии искусства по новейшим началам, также оказалась пионерской, предметом ее была категория прекрасного. Также первой на российской почве стала и работа А.И. Галича, затронувшая вопрос о философской антропологии с разработкой некоторых ее деталей, – «Картина человека, опыт наставительного чтения о предметах самопознания для всех образованных сословий» (СПб., 1834). Проблематика этой книги представляла собой не что иное, как предтечу философской антропологии, и в конце концов воплотилась в кафедру с таким же названием на философском факультете современного Санкт-Петербургского университета (кафедра образована в 1990 г.). Но А. Галич до конца жизни так и не получил разрешения на преподавание философии, его лишили возможности общения со студентами, тем самым ему так и не дали внести свою лепту в философское образование молодых россиян.

Довольно интересной представляется работа и Соломона Додаева-Мегарского «Курс философии», вышедшая в Санкт-Петербурге в 1827 г. В ней помимо воззрений философско-логических затронуты и злободневно звучащие именно сейчас темы: «С тех пор, как солнце мудрого правления Царей Русских озарило горизонт древней Колхиды, свет порядка и благоденствия ощутительно распространяется в благословенной стране Кавказа», юные умы которой ищут пищи, а утолив свой духовный голод, обращают, как и автор «Курса философии», взоры на свое отечество, потому что «желание полезным быть моим соотечественникам всегда будет для меня священным долгом, так как было и побуждением к сему посильному труду».¹⁰

Философия, по С. Додаеву, – наука о последних основаниях всего и вся. Ее составляют законы мышления и законы духовных сил вообще, т.е. логика и психология; законы познания и познаваемого, т.е. метафизика; законы ощущения, т.е. эстетика и, наконец, законы воли и желания: а) для внутренних действий – нравственная философия; б) для внешних отношений – право.

Истинная философия, замечает С. Додаев, возможна лишь тогда, когда умолкнут страсти и предрассудки перестанут управлять ими. Издание этой работы в С.-Петербурге приходится рассматривать как факт, подтверждающий особое положение Петербурга для увлеченных философией людей, видящих в нем и пропагандиста философии, и тот центр, в котором понимают философские разработки и искания; где могут найти себе поддержку философствующие представители других народов, представители окраин России.

¹⁰ Додаев-Мегарский С. Курс философии. Часть первая. Логика. СПб., 1827. С. 1.

Поскольку философия в России всегда была на особо странном положении, периодически испытывая к себе искренний интерес и внимание, чаще же – гонения, запреты и хулу, но никогда – хвалу и поощрения, то история ее в России довольно необычна, зигзагообразная, «рваная». В 1821 г. А. Галича за пропаганду идей, противных православной вере, лишают права преподавать философию. В 1835 же году в Санкт-Петербургском университете вместо трех факультетов – философско-юридического, физико-математического и историко-филологического – создаются всего два факультета: философский и юридический. Философский факультет состоял из двух отделений: естественного, или физико-математического, и словесности (историко-филологического). Этот философский факультет просуществовал всего лишь 15 лет, до очередного гонения на философию. На этот раз ее обвинили в распространении идей французской революции («роберспьеризма» и «вольтерьянства»). В 1850 г. повелением императора философский факультет закрывают, кафедру философии упраздняют, преподавание философии запрещают. Философский факультет просто распался на два своих отделения, и в университете количество факультетов снова увеличилось до трех, кроме юридического теперь появились физико-математический и историко-филологический, а вскоре к ним присоединился и новый факультет – восточный.

Не прошло после этого и десяти лет, как отсутствие философии в образовательном процессе заявило о себе самым решительным образом. От учебных округов, т.е. снизу, доведены были до тогдашнего Министерства народного просвещения те пагубные результаты, которые имели место при исключении регулярной философии из гуманитарного образования молодых людей. И действительно, стало ясно, что отсутствие философии – этого прекрасного и сильного общеобразовательного средства в учебном процессе – привело к существенным пробелам в умственном и нравственном развитии студентов. Читаемые в предшествующее десятилетие богословами логика и психология философию, естественно, не исчерпывали, а философские вопросы каждой науки в отдельности не давали общего представления о структуре и закономерностях естественноисторического, прежде всего, общественного процесса. Студенты из-за этого были лишены возможности изучать самые общие естественные законы и закономерности в историческом развитии и, кроме того, подпадали под влияние самых вульгарных псевдонаучных мировоззрений.

По результатам этих ходатайств от учебных округов, в 1859 г. было Высочайше повелено возобновить в университетах преподавание философии. Но преподавать философию (из-за утраты в период гонения философских кадров) было почти некому. С 1861 по 1863 г. из-за волнений студентов университет временно закрыт. В 1864–1866 гг. выпуски были

лишь по восточному и физико-математическому факультетам. В 1867 г. по историко-филологическому факультету было всего 2 выпускника. Для восстановления философских кадров и философской культуры в Санкт-Петербурге понадобятся годы и годы.

Таким образом, снова философии в России приходится все начинать сначала. Главной причиной такого «развития» философии, можно сказать, имманентно присущей отечественной истории философии в России особенностью, является то, что философия постоянно находилась под бдительным явным и тайным надзором государственной бюрократической системы. Вот кто нанес более всего вреда философии в России, вот кто столь существенно загорюзил ее университетское развитие!

Философия же может позитивно развиваться только в условиях свободы мнений, свободы мировоззренческих взглядов, свободы сопоставления и критического восприятия их. Мировая история эллинским взлетом философской мысли показала это давно, но нас история, похоже, мало чему учит. Мы только провозглашаем, что история для нас – наука. Мы лишь стремимся учиться на собственных ошибках, но они нам, похоже, не впрок. Казалось бы, чего больше – есть собственный опыт собственной истории... Однако и теперь, уже в наше время все так же, как и в прошлые века, продолжают гонения и бюрократически-чиновничьи притеснения, прямые попытки сделать философию служанкой то ли политики, то ли идеологии, то ли министерской системы, то ли естествознания. Так что вопросы: пошла ли история нам на пользу? извлекли ли мы из нее урок? – остаются открытыми. Двадцатые годы, уже XX века, особенно наглядно показывают нам, что уроков мы не извлекаем. Начало XXI века тоже не блещет пониманием места философии в интеллектуальном развитии общества. И сейчас все еще продолжают наскоки на философию, ее стремятся, например, изъять из кандидатского минимума. Определенно, это происходит от недопонимания сущности философии, ее роли и места в развитии общественного сознания, мировоззренческих позиций, интеллекта отдельного человека.

Лучший период для философии в России связан с именем Михаила Ивановича Владиславлева (1840–1890). Вернувшись из заграничной командировки в 1866 г., он вместе с Ф.Ф. Сидонским ведет в университете занятия по философии. Вскоре он становится заведующим кафедрой философии, восстанавливая тем самым прерванную еще в 1821 г., только было наметившуюся, линию развития философии в Петербургском университете природными россиянами. С этого времени и начинается новый период, период сравнительно стабильной, непрерывной линии в развитии философии и логики, линии «учитель–ученик», сохранившейся в Санкт-Петербургском университете до наших дней.

При нем в университете формировалась новая генерация российских философов, российских докторов философии. Он был одним из

первых, кто своей учебной, научной, административной и публицистической деятельностью способствовал развитию, укоренению и распространению философии в России во второй половине XIX века. Подлинный ученый, пользующийся популярностью и уважением преподаватель философии, логики и психологии, активный публицист и успешный администратор, он своей активной позицией отстаивал право философии быть общеобразовательной дисциплиной на всех факультетах университетов. К тому же М. Владиславлев еще и родоначальник Санкт-Петербургской философско-логической школы, созданной им своими трудами, идеями и учениками.

По возвращению из-за границы М. Владиславлев становится магистром философии и приват-доцентом. После защиты докторской диссертации «Философия Плотина, основателя новоплатоновской школы» в 1869 г. М. Владиславлев – доктор философии и экстраординарный профессор, с 1871 г. он – ординарный профессор университета, декан (с 1885 г.) историко-филологического факультета, ректор университета (с 1887 г.). При нем получают поддержку – и тем укрепляются – новые идеи, публикуются новаторские труды. В 1880 г. в университете проходит защита докторской диссертации «Классификация выводов» полного тезки и сверстника Владиславлева – М.И. Каринского (1840–1917). Этот труд общепринято считается первой чисто российской новаторской работой по логике, имеющей продолжение в трудах учеников М.И. Владиславлева – Н.Я. Грота и Л.В. Рутковского. Последний в 1888 г. тоже защищает диссертацию по логике, развивающую идеи М.И. Каринского.

Известный как переводчик, комментатор и издатель «Критики чистого разума» И. Канта, логик и психолог, М.И. Владиславлев представляет значительную и интересную фигуру в философии. Как администратор и пропагандист, публицист, он добился общегосударственного признания философии в качестве обязательной университетской общеобразовательной дисциплины. Она стала преподаваться в университетах на первых двух курсах всех факультетов, хотя до М. Владиславлева она преподавалась в Санкт-Петербургском университете только на историко-филологическом факультете, и только год, и только на последнем курсе...

В своей вступительной лекции 9 сентября 1866 г., характеризуя положение философии в обществе и ее задачи, Владиславлев отмечал: хотя философия не создает нам новых вещей, не улучшает наши пути сообщения, равнодушие к ней определяет не только ее безотрадное положение в обществе, но и порождает общественную безыдейность, «вялость мысли». Для развития мысли нет ничего хуже, чем ее замалчивание, нераспространение, запрет, умолчание. Куда ценнее даже раздражительность, ожесточенность, которыми обычно встречают новую мысль. «Что стало бы с мыслью Ньютона о всеобщем тяготении, если

бы ее замолчали, не обратили на нее внимание. Слава богу, она была встречена в штyki, даже великий Лейбниц и тот высказался против нее».¹¹

Развитию философии, отмечал М. Владиславлев, более всего необходима критика, необходим такой же могущественный союз людей, неустанно работающих и постоянно разъясняющих тот или другой процесс природы, как и в естествознании. «Ничего не принимая на веру, не допуская ничего без поверки и сличения, философия может быть, наконец, освобождена от предзанятых убеждений, передаваемых издавна, как особая какая мудрость».¹²

Обосновав необходимость знакомства студентов университета не только с логикой и психологией, но и с философией, с историей философии, М. Владиславлев подчеркивает, что они являются «могущественным» общеобразовательным средством развития молодых людей. «Нам случалось слышать мнение, – писал М.И. Владиславлев, – что философия никогда не будет процветать на Руси, и что русский ум положителен на столько, чтобы находить для себя слишком скучным занятие философскими науками. Шеллинг, имевший случай знакомиться с русскими, как известно, думал иначе».¹³ Российская же молодежь, подчеркивал М. Владиславлев, вообще жаждет ответа на вопросы, несомненно философского характера, поэтому ее надо вооружать подлинной философией, ибо из-за отсутствия философии в образовательном процессе в среде молодого поколения и получил столь широкое распространение разъедающий ее нигилизм.

Многие работы М.И. Владиславлева, а это и упомянутая уже «Философия Плотина, основателя новоплатоновской школы», и «Логика. Обзорение индуктивных и дедуктивных приемов мышления и исторические очерки: логики Аристотеля, схоластической диалектики, логики формальной и индуктивной» (1872), и «Психология. Исследование основных явлений душевной жизни» (1881), дают представление о нем и как о глубоком и самостоятельном философе, психологе, историке философии и логики, и даже как оригинальном логике. Интерпретации им логических проблем, даже предмета логики, уже своеобразны; обстоятельные же исторические очерки логики аристотелевской, формальной, в особенности же схоластической диалектики и логики индуктивной, – остаются одними из самых совершенных в России и по сию пору.

М. Владиславлев своей активной и продуктивной учебной, научной, общественной и административной деятельностью создает не только философско-логическую «школу», но и создает философскую «атмо-

¹¹ Владиславлев М.И. Современное положение философии и ее задачи // Отечественные записки. СПб., 1866, октябрь. С. 539-540.

¹² Там же. С. 545.

¹³ ЖМНП. Ч. LXXXIII. СПб., 1867. С. 384.

сферу» вокруг себя на кафедре философии историко-филологического факультета и Санкт-Петербургского университета в целом. Университет привлекает к себе лучшие философские умы. В.С. Соловьев, являясь выпускником Московского университета, именно в Санкт-Петербургском университете посчитал для себя уместным защищать в 1874 г. свою магистерскую диссертацию, а потом (в 1880 г.) и докторскую. Именно при М. Владиславлеве В. Соловьев в 1877–1881 гг., работая в Ученом комитете при Министерстве народного просвещения, вел в университете занятия по философии.

Публицистические выступления М. Владиславлева на страницах журналов «Отечественные записки», «Эпоха», «Время», а также и на страницах журнала Министерства народного просвещения (ЖМНП); его научные труды, идеи, воспринятые и развитые многочисленными и талантливыми его учениками – А.И. Введенским, Н.Я. Гротом, Н.Н. Ланге, Э.Л. Радловым, Л.В. Рутковским и др. – все это вместе взятое значительно продвинуло вперед разработку философско-логических проблем в России. Способствовало также и консолидации философствующих, организационному их оформлению. В это же время в Санкт-Петербурге возникает идея о создании на базе университета Философского общества России. Идею эту, как сообщает Э. Радлов, высказывали еще в 1879 г. В. Соловьев, М. Каринский, Н. Страхов, А. Светилин, К. Бестужев-Рюмин и др. Обстоятельства тогда не благоприятствовали идее, и в жизнь она воплотилась уже после смерти М. Владиславлева.

Сменивший М. Владиславлева на кафедре философии Александр Иванович Введенский (1856–1925) продолжил, разрабатывая философско-логическую проблематику, линию своего учителя и внес в нее свой оригинальный вклад. Когда в 1897 г. все-таки было образовано Философское общество России при Санкт-Петербургском университете, он стал первым его председателем. У него также сформировался коллектив творчески мыслящих учеников, ставших впоследствии всемирно известными учеными: Н.О. Лосский, И.И. Лапшин, С.Л. Франк, Л.П. Карсавин, П.А. Сорокин и С.И. Поварнин. Первое философское общество России активно функционировало вплоть до 1917 г. На его заседаниях обсуждались доклады, отмечались юбилеи. Начало XX века было довольно продуктивным, были изданы, например, собрания сочинений В.С. Соловьева в 8 и 10 томах. На заседаниях общества обсуждалась, в частности, новаторская идея Н.О. Лосского об интуитивизме, изложенная им в книге «Обоснование интуитивизма» (СПб., 1906). Идея вызвала вначале острую устную критику со стороны его коллеги по кафедре философии историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета С.И. Поварнина. Критика эта вылилась потом на страницы печати. В 1911 г. С. Поварнин опубликовал брошюру «Об “интуитивизме” Н.О. Лосского». Последний в том же году опубликовал «Ответ С.И. Поварнину на критику интуитивизма». С. Повар-

нин в следующем году опубликовал «Разбор “ответа” Н.О. Лосского на мою критику интуитивизма». Ученики возглавлявшего тогда эту кафедру А.И. Введенского одинаково активно вели научную полемику и научную работу. Активность эта пробивалась везде. Появлялись различные издания и журналы, вроде неперидического издания Н. Лосского и Э. Радлова «Новые идеи в философии» (1912 г.) и т.п.

Философский факультет после своего короткого пятнадцатилетнего существования (1835–1850) так и не был восстановлен вплоть до советского времени. Возобновленный в 1940 г., он вскоре, благодаря инициативе и усилиям бывшего выпускника С.-Петербургского университета Михаила Васильевича Серебрякова (1879–1959), в ту пору декана факультета, стал местом постоянной деятельности ученика А.И. Введенского – С. Поварнина. С сентября 1944 г. последний стал первым и вначале единственным преподавателем логики на философском факультете Ленинградского университета, первым профессором кафедры логики.

Через М.В. Серебрякова и С.И. Поварнина современная кафедра логики и весь философский факультет Санкт-Петербургского университета являются продолжателями той непрерывной философско-логической «линии», идущей от М.И. Владиславлева, о которой неоднократно уже говорилось. Этот уникальный для истории нашего университета факт позволяет утверждать, что преемственность «учитель–ученик» в нем со времени М.И. Владиславлева не прерывалась, а философский факультет – ее современный продукт.

После 1917 г., во времена псевдореволюционных преобразований в общественных науках, чтобы соответствовать своему историческому положению, философии Санкт-Петербургского университета необходима была соответствующая поддержка. Без нее со временем силы лишь иссякали. Однако не всегда усилия философии могли быть по тем временам воспринимаемы. Скорее всего, по инерции в послереволюционный период были опубликованы оригинальные и улавливающие перспективу не только названиями, но и содержанием работы С.И. Поварнина: «Логика отношений. Ее сущность и значение» (Пг., 1917), «Спор. О теории и практике спора» (Пг., 1918), «Искусство спора» (Пг., 1923). Далее – «Как читать книги для самообразования» (Л., 1924, 2-е издание – Л., 1928) – любопытный вариант практической логики. Была опубликована отражающая понимание философии Э. Радлова его работа «Введение в философию» (1919); «Система социологии» П.А. Сорокина (1920) и некоторые др.

О развитии философии в 30-е, 40-е и 50-е годы в условиях упрочившейся советской власти говорить особо не приходится. Публикации тех лет не отличались особой оригинальностью, новаторством, глубиной, к тому же их было крайне мало. Статья С.И. Поварнина «О формальных законах мысли (классификация их)» в «Ученых записках Ленинградского университета» за 1947 г. несколько опережала свое время,

но формальная логика еще не освободилась от предвзятого мнения: наука эта метафизична, антидиалектична, буржуазна и вредна революционной теории. И в апреле 1948 г. статья и ее автор были подвергнуты критике проверяющим представителем Отдела преподавания общественных наук Министерства высшего образования СССР.

Во второй только половине 50-х годов стали разрабатываться гегелевские диалектические законы и категории (вместо «основных черт диалектики» по И. Сталину). Об этом свидетельствуют монографии профессора Василия Петровича Тугаринова (1898–1978) «Соотношение категорий диалектического материализма» (Л., 1956) и «Соотношение категорий исторического материализма» (Л., 1958), а также некоторые рукописные учебные пособия и лекционные курсы, в частности, курс М.В. Эмдина. Интересными в этом плане были и работы В.И. Свидерского «Философское значение пространственно-временных представлений в физике» (Л., 1956), «Противоречивость движения и ее проявления» (Л., 1959).

Большой резонанс получили публикации по логике, ибо наука как бы заново рождалась для советского читателя. Среди них монографии Н.П. Попова «Определение понятий» (Л., 1954), В.П. Рожина «Марксистско-ленинская диалектическая логика» (1956), А.В. Дроздова «Вопросы классификации суждений» (1956), Л.О. Резникова «Понятие и слово» (1958). А.В. Савинова «Логические законы мышления» (1958), Ф.С. Лиманова «Логическая природа суждения» (1958), «Введение в математическую логику» (1959) А.И. Попова, а также отдельные статьи П.Н. Пипунырова «Абстрагирующая роль мышления и вторая сигнальная система» (1952) и «О роли аналогии в процессе познания» (1957), статьи И.Н. Бродского «К вопросу об образовании понятий» (1957) и «Отрицательное понятие» (1959) и некоторые др. Однако предметное поле философии еще только начинало осознаваться широкой советской аудиторией, и она постепенно отходила от упрощенного представления философии в соответствии с «Кратким курсом ВКП(б)».

60-е годы XX века – годы «оттепели», и они принесли свои плоды. Деканом философского факультета в эти годы был Василий Павлович Рожин (1908–1986). При нем все активнее стали проявлять себя новаторские начинания. На факультете до середины 60-х была кафедра психологии во главе с крупнейшим психологом, создателем самостоятельной «школы», – профессором Б.Г. Ананьевым, обосновавшим комплексную программу исследования человека. На его кафедре начинались перспективные разработки проблем инженерной и в целом социальной психологии. При В. Рожине новаторство проявляло себя не только в проблематике философских исследований, но и в структуре факультета. Была открыта кафедра этики и эстетики, потом кафедра современной зарубежной философии, лаборатория конкретно-социологических исследований, с которой можно связывать развитие эмпирической социологии в стране, да и первый в стране НИИ ком-

плексных социологических исследований тоже был открыт в университете. Активной деятельности В. Рожина обязана кафедра логики организацией логико-кибернетического цикла. Наконец, отделение научного коммунизма тоже было открыто в 60-е годы.

Лекционная критика буржуазной философии способствовала проникновению в факультетскую среду новых понятий и концепций: «малая группа», «страт», «Эдипов комплекс»; понятий о семиотике, системно-структурных принципах, кибернетике, математической логике и пр. Через публикации эти понятия и концепции проникали потом и в научную среду. Значительный вклад в этот процесс внесли своими лекциями и публикациями такие преподаватели факультета, как В.И. Свидерский, А.И. Попов, Л.О. Резников, И.С. Кон, Ю.А. Асеев, В.А. Ядов, В.П. Бранский, И.Н. Бродский, В.А. Штофф, М.А. Киссель, М.С. Козлова и др.

В эти годы стали появляться и довольно оригинальные, «непривычные», что ли, публикации, такие, как «О ценностях жизни и культуры» (1960), «О смысле жизни» (1961), позже – «Теория ценностей в марксизме» (1968) В. Тугаринова; «Семья в современном обществе» (1960) А.Г. Харчева, «История русской философии» (1961) А.А. Галактионова и П.Ф. Никандрова; «Очерки психологии слепоглухонемых» (1961) А.В. Ярмоленко; «О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании» (1962) В. Свидерского; «Введение в марксистскую социологию» (1962) В. Рожина и его же «Марксистско-ленинская социология как наука» (1967); «Философское значение проблемы наглядности в современной физике» (1962) В. Бранского; «Роль моделей в познании» (1963) В. Штоффа; «Человек и техника» (1963) Б.Ф. Ломова; «Гносеологические вопросы семиотики» (1964) Л. Резникова; «Проблема интереса в социологической теории» (1964) Б.Г. Здравомыслова; «Социальная психология как наука» (1965) Б.Д. Парыгина; «Социология личности» (1967) И. Кона; «Человек как предмет познания» (1968) Б. Ананьева; «Методология и процедуры социологических исследований» (1968) В. Ядова и др.

Новаторский дух проявлял себя и в преподавании. На факультете в то время вели учебные занятия талантливые ученые и пропагандисты науки, умевшие находить оригинальные способы и приемы вовлечения студентов в науку. Памятны для многих лекции В.П. Рожина, В.П. Тугаринова, Л.О. Резникова, В.И. Свидерского, А.Г. Харчева, М.И. Шахновича, А.И. Попова и их более молодые коллег, таких, как В.П. Бранский, И.С. Кон, В.А. Ядов, В.А. Штофф, М.А. Киссель, М.С. Каган, Б.Д. Парыгин, А.Г. Здравомыслов, И.Н. Бродский, Е.В. Водзинский, О.Ф. Серебрянников и др. Особую популярность имели лекции и семинарские занятия блестящего оратора, знатока гегелевского диалектического метода, – доцента Моисея Вульфовича Эмдина. Человек грузный и медлительный, в общении со студентами он был прост, доступен и добр; философию умел растолковывать так, что не понять ее было невозможно.

Увлекательно читали лекции Ю.А. Асеев, И.Н. Бродский, Е.В. Водзинский, М.А. Киссель. Многое из того, чем обладали эти талантливые учителя, сказало со временем на их учениках и проявляет себя у современных преподавателей факультета.

Факультет в то время выступал еще и ареной философской борьбы. Студенты и аспиранты факультета начала 60-х хорошо помнят ректора университета Александра Даниловича Александрова, частого участника философских семинаров на философском факультете, и те жаркие споры, которые разгорались там вокруг злободневных философско-идеологических проблем. А. Александров (специально или случайно, сказать трудно) любил занимать в этих дискуссиях радикальные позиции, обостряя полемику. В условиях сравнительно недалекого сталинизма такая позиция пугала многих. Факультету еще было памятно «Ленинградское дело», на факультете работало несколько недавно реабилитированных философов, отсидевших в лагерях ГУЛАГа. Слава богу, что в эти годы борьба «новаторов» и «консерваторов» отражалась только на разгоряченных лицах полемистов. Активными участниками «баталий» были В. Тугаринов, А. Попов, В. Рожин, И. Кон, В. Ядов и др. Философу-студенту того времени везло и на преподавателей с других факультетов, читавших курсы, например, физики – проф. С.Ф. Родионов; химии – проф. В.И. Колбин; политэкономии – тогда еще доцент А.А. Демин и др. Каждый из них оставил след в умах и памяти их бывших учеников.

Предперестроечный период – 70–80-е годы XX века – отличает сравнительно ровный, спокойный, стабильный характер развития факультета, его учебной и научной философской продукции. На факультете появляются соответствующие запросам нового времени кафедры: кафедра политологии, кафедра политических институтов и прикладных политических исследований, кафедра политического управления, кафедра международных политических процессов; кафедра социальной философии и философии истории, кафедра истории русской философии, кафедра философии религии и религиоведения, кафедра философии науки и техники; онтологии и теории познания, философской антропологии, философии культуры и культурологии, кафедра конфликтологии, кафедра философии и культурологии Востока. Некоторые из них созданы впервые в России. Существенно поменялась и тематика лекционных курсов, все больше стали пользоваться спросом те из них, которые соответствуют динамике времени, расширяющемуся научному горизонту философии.

Философский факультет, таким образом, по-прежнему сохраняет за собой лидирующее положение в философском сообществе. Об этом свидетельствует факт проведения на базе Санкт-Петербургского университета (через сто лет после создания на базе университета первого в России философского общества) Первого философского конгресса России (1997). А в последние годы впервые в России на факультете открыты и отделения политологии, культурологии, религиоведения, конфликтологии.